

Анатолий БИМАЕВ, г. Абакан

БЕГОМ ПО СΙΑЮЩЕЙ РАДУГЕ

– Давай её закопаем! – предложил Саша.

– Зачем? – произнёс Ваня, заворожённо разглядывая ярко блестящую на солнце серёжку.

Гуляя, мальчики случайно нашли её на земле и теперь не могли оторвать глаз. Такой она была красивой. Даже не серёжка, а почти что маленькое ожерелье, состоявшее из переливающихся синим и красным стекляшек. Такое сокровище, конечно же, стоило целое состояние. Мальчики в этом нисколько не сомневались. Единственное, что они пока не решили, это как им быть дальше? Серёжка была одна, а мальчиков – двое. Таких сложных задач в школе им ещё не задавали.

– Как зачем? – воскликнул Саша. – У нас будет свой собственный клад, о котором будем знать только мы, и никто больше. Представляешь, как это здорово?

Ваня, явно не разделявший восторгов друга, пожал плечами.

– Нужно выбрать подходящее место, – продолжал тем временем Саша. – Вот здесь, под деревом.

И, взяв плоский камень с острыми кромками, он принялся раскапывать ямку. Земля под топелем была мягкой. Её совсем недавно рыхлили. Дислоцированная в городе военная часть с маршировавшими по утрам на плацу солдатами-срочниками обеспечивала в посёлке образцовый порядок. Земля под деревьями не только регулярно рыхлилась, но и сами деревья каждой весной белили извёсткой. Тротуары меллись, скамейки красились, кусты подстригались, а газоны косились, отчего город напоминал нарисованный. Аккуратные пятиэтажки, туго затянутые, точно ремнём, пешеходными тротуарами, стояли посреди стерильного, стоявшего по стойке смирно зелёного парка.

– Готово, – сказал Саша. – Давай серёжку сюда.

– Может, не надо? – произнёс Ваня.

– То есть как это «не надо»? – удивился товарищ, вставая. Он посмотрел в глаза Ване: – Разве ты не хочешь иметь собственный клад? Не хочешь нарисовать пиратскую карту и спрятать её в бутылке, а бутылку бросить в озеро? Разве будет не здорово сказать пацанам, что мы закопали сокровище? И пусть попробуют его отыскать. Разве ты не хочешь всего этого?

– Хочу, – невесело произнёс Ваня.

– Ну и всё, – шмыгнул носом Саша. – Давай серёжку.

Однако Ваня не спешил выполнять распоряжение друга. Его одолевали сомнения. Они явно читались на его угрюмом лице. Что-то нехорошее, если не сказать враждебное, по отношению к нему чувствовалось во всей этой затее. То же самое он ощущал годом раньше, когда один мальчик из соседнего двора попросил у него велосипед покататься. «Я проеду всего один раз вокруг дома. Что, тебе жалко, что ли?» – говорил он. А потом велосипед пришлось возвращать, позвав на помощь отца. Вот и сейчас он чувствовал нечто похожее. Словно кто-то тихонько шептал ему: «Не отдавай, Ваня, серёжку». Но в том и заключается вечное проклятие сомнений, что они расплывчаты и пугливы и стоит о них хорошенько подумать, как они тут же рассеиваются, словно туман под первыми лучами встающего солнца.

Поколебавшись с секунду, он опустил в открытую ладонь друга серёжку. Тот немедленно положил её в ямку и засыпал землёй. Он не притапывал почву ногой. Наоборот, тщательно взрыхлил её пальцами, чтобы всё выглядело натурально. За свою долгую детскую жизнь он прочитал много книг о пиратах и знал о кладах практически всё.

– Нужно запомнить дерево, – сказал Саша, осматриваясь. – Гляди, какой у него изогнутый ствол. По этому-то стволу мы и запомним, где зарыто сокровище.

– Может, стоит сразу нарисовать карту?

– Нет, завтра. Сегодня мне нужно пораньше домой. К нам приехали родственники из деревни. Будем играть с двоюродным братом в танчики.

– Везёт тебе, – как-то отстранённо произнёс Ваня.

Мальчики помолчали.

– Ну, значит, до завтра? – сказал Саша.

– Да, до завтра.

Однако с места они не сдвинулись. Возле дерева, вблизи клада, им было как-то спокойней.

– Пойдёшь сразу домой? – спросил Саша.

– Пойду домой, – сказал Ваня.

– Правильно.

– Почему?

– Нечего ошиваться. Кто-нибудь, заметив тебя, догадается, что мы что-то здесь спрятали. И ночью откопает нашу серёжку.

– Без карты не сможет, – произнёс Ваня.

– Сможет. Мы с тобой уже полчаса тут стоим.

– Тогда пошли отсюда скорее.

– Конечно, пошли.

И они зашагали каждый в сторону своего дома, то и дело бросая друг на друга украдкой взгляды. Правда, Саша, который шёл чуть позади Вани, хитрил. Сам он хорошо видел друга и, когда тот на него не смотрел, сбавлял шаг, чтобы отстать ещё больше. Ваня, казалось, ни о чём не догадывался. Что можно было назвать непростительным. Ведь Сашин дом стоял в какой-нибудь полусотне шагов прямо по курсу от дерева с кладом. В то время как Ванин располагался значительно дальше. Чтобы к нему пройти, нужно было преодолеть двор наискосок, свернув за угол пятиэтажки товарища, то есть совершить путь примерно на треть больший, чем требовалось совершить Саше.

Но мир держится на легковых. Вместо того чтобы тревожиться, Ваня как будто совсем успокоился и перестал оборачиваться. Чем тут же воспользовался его друг. Он обнаглел до такой степени, что сделал несколько шагов в сторону дерева, а потом принялся просто ждать, стоя на одном месте, когда товарищ скроется из виду.

Вскоре во всей округе о кладе не знала ни одна живая душа, кроме Сашиной. Бросившись к дереву, он принялся лихорадочно разбрасывать землю. Он торопился, опасаясь возвращения Вани. Признаться, он до сих пор не верил, что ему так легко удалось обвести его вокруг пальца, и постоянно мерещился силуэт друга,

коварно выглядывающего из-за угла пятиэтажного здания. Он пытался себя успокоить, внушая мысль, что Ваня давным-давно дома, но это не помогало. Разгулявшаяся фантазия рисовала перед ним невероятное. Будто Ваня стоит у него за спиной и сейчас... нет, не накинется на него, не станет с ним драться, что, пожалуй, было бы не так страшно, а презрительно рассмеётся, не удостоив даже бранным словом. Почему-то такая абсолютно не свойственная другу реакция, которого Саша привык видеть смешливым и доброжелательным, представлялась сейчас самой ужасной. Всё равно что увидеть в кошмарном сне мёртвого дедушку, радостно броситься к нему в объятия и ощутить ледяной холод, исходящий от его неживой плоти.

Наконец Саша нащупал серёжку. Вытерев её о футболку, мальчик взглянул на сокровище, снова подивившись его красоте. Он не видел ничего подобного прежде. Как только они с Ваней случайно нашли серёжку на улице, непременно захотелось ей обладать. Откуда к нему пришло это желание, Саша не знал. Во всяком случае, никогда раньше он не испытывал ничего хотя бы отдалённо похожего. Но незнакомое это желание было столь сильным, настолько неожиданно его захватило, что противиться не было никаких сил. Его не покидало ощущение, будто все эти подлые, преступные действия совершает не он, а кто-то другой, посторонний. Саша словно находился во сне, воспринимая происходящее со стороны. В самом деле, не мог же он предать друга, провернув весь этот коварный план, ради какой-то блескучей стекляшки? Нет. Конечно же, нет. А раз так, то и не нужно ни о чём беспокоиться. Пусть этот кто-то другой делает своё мерзкое дело. Разве он в ответе за чужие поступки?

Так размышлял мальчик, а тем временем его руки делали своё дело. Положив серёжку в карман шорт, они заровняли ямку землёй. Затем ноги скорым шагом направили Сашу к дому. Когда же он оказался в детской, за дело опять взялись его руки. Они достали из шкафа картонную обувную коробку, в которой лежали самые ценные вещи мальчика. На коробке так и было написано: «Не открывать! Иначе я с вами не разговариваю. Эти вещи принадлежат мне». Мальчик хранил здесь вкладыши от жвачек, игровые фишки серии «Мортал комбат», несколько мраморных камешков, которые он на-

шёл прошлым летом на озере, и прочие ценности. Теперь его руки спрятали в коробке серёжку. Пожалуй, её тут как раз не хватало. С ней коробка тут же поднялась в цене. Теперь мальчик не отдал бы её содержимое ни за какие коврижки, пусть бы ему даже пообещали десять картриджей для «Денди» или неделю сильнее-шего гриппа, которую он провёл бы в постели за чтением «Приключений Незнайки».

Весь вечер, пока Саша ужинал, смотрел мультики, умывался, мысль о том, что он обладает сокровищем, грела его детскую душу. Не раз ему хотелось тихонько улизнуть в комнату и посмотреть, на месте ли драгоценность. Но проснувшийся в нём преступник, который был гораздо хитрей и осмотрительней мальчика, неизменно удерживал его от этого шага. Лишь перед сном, когда родители легли спать, он позволил ему достать из шкафа коробку. Серёжка по-прежнему лежала на месте. В свете настольной лампы она блестела ярче, пленительней, чем на улице. Её блеск завораживал, гипнотизировал мальчика. Она блестела так, будто попала в Сашины руки прямоком из пещеры Али-Бабы и разбойников. К синим и красным оттенкам добавились миллионы новых цветов, среди которых особенно выделялся оранжевый, изумрудный и фиолетовый. Мальчик не мог оторвать глаз от этого великолепия, и если б не страх, что родители заметят свет в его комнате, он бы разглядывал серёжку до самого утра. Собрав волю в кулак, он положил драгоценность обратно в коробку, спрятав ту гораздо тщательней, чем прятал прежде, и успокоенный лёг наконец-то в кровать. Но и во сне, в этом зеркале наших желаний и страхов, ему снилась серёжка. Ему снилось, что кто-то хочет у него её отобрать, и он плакал в бессилии, вцепившись в незнакомца зубами. Ему казалось, что вместе с серёжкой он утратит крупницу себя, будто та стала его неотъемлемой частью, как голова или руки, и без неё он не сможет прожить и мгновения.

Проснувшись на следующий день, он первым же делом вспомнил об обрётённом сокровище. И тут же, словно первая мысль была привязана ко второй невидимой нитью, перед ним возник образ Вани.

Он вскочил с кровати. Наспех умылся, проглотил завтрак и выбежал пулей во двор. Ваня уже был на улице. Играл с ребятами в мяч. Отзвав его, Саша предложил нарисовать карту. По

замыслу мальчика это должно было усыпить подозрения друга. «Разве станет преступник напоминать об украденном? – примерно так размышлял Саша. – Но я поступлю умней и первым заговорю о кладе. Тогда Ваня решит, что серёжка на месте, и со временем потеряет к ней интерес». Однако против ожиданий Саши его друг оказался не в настроении и карту рисовать отказался.

– Давай её откопаем, – предложил неожиданно он.

– Кого? – спросил Саша и тут же понял, что выдал себя с головой.

Говорить так не следовало. Ведь только что он сам заговорил о сокровище, а теперь сделал вид, что не понимает, о чём идёт речь.

– Ну серёжку, – произнёс Ваня.

– Зачем? – не своим голосом сказал мальчик. – Хочешь, чтобы все заподозрили, что мы зарыли здесь клад?

– А мы его закопаем потом в другом месте.

Ваня явно подготовился к возражениям Саши.

– Не хочу я искать других мест. Лучше этого всё равно не найти. Тут и приметное дерево, и люди не ходят. И совсем рядом с домом, так чтобы можно было сторожить наше сокровище.

– Я хочу откопать серёжку, – сказал твёрдо Ваня.

– Ладно, как хочешь. Откапывай, – вспылил Саша. Он понимал, что противиться дальше нельзя, иначе это вызовет подозрения. – Но я мараиться в грязи не хочу.

– Покажи, где копать.

– По-моему, здесь. Или здесь. Я уже точно не помню.

Опустившись на корточки, Ваня принялся разбрасывать землю руками.

– Её нет, – сказал спустя мгновение мальчик.

– Как нет?

– Сам посмотри.

Подойдя к другу, Саша взглянул ему под ноги, словно действительно не доверял зрению товарища.

– Значит, попробуй в другом месте.

Ваня снова принялся раскидывать землю. Он копал в разных местах, но серёжки нигде не нашёл. В конце концов к поиску присоединился и Саша. Вместе они перевероростили всю почву под деревом, но, кроме жирных лиловых червей, ничего обнаружить в земле не смогли.

– Нет её. Говорю же.

– Да, серёжки тут нет, – подтвердил Саша.

Каое-то время мальчики молча сидели под деревом.

– Послушай, – сказал первым Саша. – Кто-то вчера похитил наш клад.

– И кто это сделал?

– Откуда я знаю? Мало ли кругом было ребят. Предупреждал же я, нечего тут ошиваться, нас могут заметить. И был прав. Если бы ты сделал всё, как я говорил, ничего бы этого не было.

Ваня сидел, обхватив ноги руками. Его голова безвольно свисала вниз, между коленями. Острые плечи, высоко поднимавшиеся над склонённой шеей, делали его похожим на грифа. Он сидел, тихонько раскачиваясь в такт собственным мыслям, и не спускал взгляда с носков своих босоножек. «Он обо всём догадался», – подумал Саша. Он не умел читать чужих мыслей, но сейчас буквально слышал, как те медленно щёлкали и скрипели, словно шестерёнки в часовом механизме, в голове у товарища. Ему даже казалось, что он может с невероятной точностью воспроизвести все слова друга, которыми тот сейчас мысленно выносит ему приговор. И нужно было срочно помешать этому самому страшному из правосудий, которые вечно проходят при закрытых дверях и на которых виновный лишён права голоса.

– Чего ты молчишь? – сказал зло Саша.

– Просто.

– Что просто?

– Просто так.

– Ты понимаешь, что теперь мне должен серёжку?

– Перестань, – устало произнёс Ваня.

Он наконец поднял голову и взглянул на товарища. В этом взгляде не было презрения или обиды, но тем не менее Саша похолодел.

– Да, должен! – буквально выкрикнул он.

Ваня поднялся и молча двинулся прочь. Тщедушный мальчишка, казалось, на ровном месте готовый споткнуться и ободрать все колени с локтями, – вот кого видел в уходящем товарище Саша. Но в этой угловатой фигуре читалась сейчас огромная сила. Саша знал, что остановить Ваню у него не получится, даже если он собьёт его с ног и будет силой удерживать на земле. До него было можно лишь достучаться словами. Выкрикнуть что-нибудь смелое, может быть, святотатственное, какую-нибудь бесстыдную ложь, которой Ваня поверит. Побоится в неё не пове-

рять, ведь такими словами могут играть только девочки. Но нужных слов не находилось, и Саша просто смотрел вслед уходящему другу. Тот всё же споткнулся обо что-то, как Саша и предвидел, но эта оплошность товарища не вызвала в нём никаких сильных эмоций. Все эмоции вытеснило одно всеобъемлющее чувство стыда. Стыда и утраты, которую, как он ясно предвидел, уже ничем в жизни будет невозможно восполнить.

Оставшийся день он проиграл дома в «денди». Всё во дворе напоминало ему о случившемся утром. Весёлые игры товарищей, с которыми он поначалу честно пытался разделить досуг летнего дня, только погружали его в угрюмую отрешённость. И он ушёл, чтобы не привлекать к себе чужого внимания, которое под конец стало назойливым. «Что с тобой, Саня? Никак привидение увидел?» – говорили ребята. И нужно было им отвечать, как-то отшучиваться, на что у него попросту не было сил. Взгляд Вани так и стоял перед глазами. От этого взгляда нельзя было скрыться. Отныне все мысли, которые так или иначе вращались вокруг истории с серёжкой, приводили к этому воспоминанию. Да, во взгляде Вани не было презрения или обиды. В нём было другое. Жалость. Тоска. И что-то чудовищно взрослое. Что-то совершенно не вязавшееся со всем тем, что знал о товарище Саша. И это было самым ужасным. Взгляд говорил о том, что Ваня теперь стал чужим. Он не ответит ему, если Саша заговорит, никогда не пригласит в гости, не позовёт в поле, окружавшее их небольшой городок, тушить весенние палы или обливаться в день Ивана Купалы водой. И если они когда-нибудь встретятся, Ваня сделает вид, что не знает его.

Слёзы против воли побежали по щекам Саши. Выключив приставку, он достал из шкафа обувную коробку. Серёжка никуда не исчезла, как в глубине души надеялся мальчик. Она была там и больше не казалась красивой. Она была уродливой. Как он раньше этого не замечал!

Зажав стекляшку в потной ладони, мальчик метнулся в прихожую. Буквально впрыгнув в сандалии, даже не потрудившись их застегнуть, он побежал дальше. По лестничным пролётам на улицу через весь двор, за угол дома, туда, где вчера скрылся Ваня. Он до сих пор должен быть там. Не тот, чужой Ваня, которого он видел сегодняшним утром, а настоящий, которого он знал столько же времени, сколько и себя самого. Он

ещё только проснулся и ничего не знает о кладе. Совсем ничего.

Предчувствие не подвело мальчика. Сквозь непросохшие слёзы он увидел вдалеке друга. Тот сидел на лавочке в компании дворовых ребят и играл с ними в карты.

– Я нашёл её! Я нашёл! – закричал Саша.

Ваня обернулся на крик. Заметив друга, он невольно отстранился назад, но, увидев, как тот машет над головой серёжкой и отражённые от

неё блики солнца пляшут на его мокрых щеках, то и дело норовя запрыгнуть в глаза, душой потеплел, на лице появилась улыбка.

– Я нашёл её! Она была под другим деревом. Под другим, – задыхаясь, буквально выдавил из себя Саша.

С его правой ноги спала сандалия, но он этого не почувствовал. Он бежал, шлёпая босой ступнёй по асфальту. А ему казалось, будто он бежит по сияющей радуге.

